

Кратко: события происходят в формате мира + в конце словеска. Всё происходит на даче у Волошина в Коктебеле.

Вещи: чемодан с нарядами, тетрадь, деревянная перьевая ручка (если найдем), черный кофе

Ввод:

Совсем недавно я выпустила свой первый сборник стихов “Вечерний альбом”. Мне было всего 18 лет, я еще не окончила гимназии. Но всё же смогла собрать деньги и выпустила свой первый сборник. В нём было 111 стихотворений, поделенных на три тематических раздела — «Детство», «Любовь» и «Только тени». Критики сразу слетелись на него, я получала много положительных комментариев, людям нравились мои стихотворения. В частности, сборник оценил мой друг Максимилиан Волошин. Он писал:

*«К Вам душа так радостно влекома!
О, какая веет благодать
От страниц «Вечернего альбома»!
(Почему «альбом», а не «тетрадь»?)
Почему скрывает чепчик чёрный
Чистый лоб, а на глазах очки?
Я заметил только взгляд покорный
И младенческий овал щеки,
Детский рот и простоту движений,
Связанность спокойно-скромных поз...
В Вашей книге столько достижений...
Кто же Вы?
Простите мой вопрос.
Я лежу сегодня — невралгия,
Боль, как тихая виолончель...
Ваших слов касания благие
И в стихах крылатый взмах качель
Убаюкивают боль... Скитальцы,
Мы живём для трепета тоски...
(Чьи прохладно-ласковые пальцы
В темноте мне трогают виски?)
Ваша книга странно взволновала —
В ней сокрытое обнажено,
В ней страна, где всех путей начало,
Но куда возврата не дано.
Помню всё: рассвет, сиявший строго,
Жажду сразу всех земных дорог,
Всех путей... И было всё... так много!
Как давно я перешёл порог!
Кто Вам дал такую ясность красок?
Кто Вам дал такую точность слов?
Смелость всё сказать: от детских ласок
До весенних новолунных снов?
Ваша книга — это весть «оттуда»,
Утренняя благодатная весть.
Я давно уж не приемлю чуда,
Но как сладко слышать:*

«Чудо — есть!»».

После выпуска сборника я решила, что не буду сдавать экзамен в педагогический восьмой класс и вообще прекратила занятия в гимназии. Я собиралась в Гурзуф. Но Волошин договорился о её приезде в Коктебель. После целого дня певучей арбы по дебрям восточного Крыма я впервые ступила на Коктебельскую землю, перед самым Максиным домом, из которого уже огромными прыжками, по белой внешней лестнице, неся мне навстречу — совершенно новый, неузнаваемый Макс. Макс легенды, а чаще сплетни (злостной!), Макс в кавычках «хитона», то есть попросту длинной полотняной рубашки, Макс сандалий... Макс полынного веночка и цветной подпояски, Макс широченной улыбки гостеприимства, Макс — Коктебеля.

Дети: Вера Эфрон, Елизавета Эфрон, Мария\Сергей (любые имена, их не существует)

Орги: Сергей Эфрон, Ася Цветаева (если можно)

Всё начинается с того, что мы сидим на даче у Волошина.

Сергей: Макс искал Вас.

Цветаева: Вот и я, а он куда запропастился?

Сергей: Да убежал, Вы же знаете, Макс в Коктебеле это совсем другой человек. Я смотрю, вы с ним близки, не так ли? Раз он статьи о Вас пишет.

Цветаева: Статьи? Я не видела никаких. Что за статьи?

Сергей: Да неужели вы не читали газет?

Цветаева: Я газет не читаю и никого не вижу. Мой отец до сих пор не знает, что я выпустила книгу. Может быть, знает, но молчит. И в гимназии молчат

Сергей: А вы — в гимназии? Да, вы ведь в форме. А что вы делаете в гимназии.

Цветаева: Пишу стихи.

Сергей: Тогда держите, прочитайте.

Цветаева дает кому-то из детей прочитать (*Смотри приложение*)

Цветаева: Вся статья - самый беззаветный гимн женскому творчеству и семнадцатилетию. Макс Волошин был первым, кто прочитал «Вечерний альбом» и сразу же на него отозвался, именно поэтому я нахожусь сейчас здесь. В моей книге он увидел почти всё. Он оценил в стихах главное - искренность. Он мне сказал, никому в поэзии не удавалось писать о детстве из детства. Его слова: Это очень юная и неопытная книга, - её нужно читать подряд, как дневник, и тогда каждая строчка будет понятна и уместна. Автор её владеет не только стихами, но и чёткой внешностью внутреннего наблюдения. Не взрослый стих, иногда неуверенный в себе и ломающийся, как детский голос, умеет передать оттенки, недоступные стиху взрослому. «Вечерний альбом» – это прекрасная книга, исполненная истинно женским обаянием».

Сергей: То есть вы всё-так близки с ним?

Цветаева: Не могу понять к чему вы клоните.

Сергей: А если прям сейчас, то что-то написать можете?

Цветаева: Ну просто так взять и сесть я не могу.

Сергей: А что для этого надо? Вам сейчас “имена детей” помогут.

Цветаева: Изначально нужно все убрать со стола.

убирают

Сергей: Что-то еще?

Цветаева: Мне нужна тетрадь, на отдельных листах я не пишу.

находят тетрадь

Цветаева: Мне нужна деревянная ручка с тонким пером (если найдем)

Цветаева: Также, мне нужен черный кофе, который будет стоять на столе.

Теперь я сажусь, никто не должен меня отвлекать. *(Лбом упиралась в ладонь, пальцы запускала в волосы, сосредоточивалась мгновенно. Глохла и слепла ко всему, что не рукопись, в которую буквально впивалась — острием мысли и пера).* Она села писать, а дети остались с Эфроном.

Сергей: Вы не представляете как меня обворожила Марина, мне кажется, что прекраснее девушки я не видал. Как бы мне ее пригласить? *Обсуждают на какое свидание ее позвать, в итоге выходят к пляжу*

Спустя какое-то время

Цветаева: Получилось немного, но вполне прилично.

Есть такие голоса,

Что смолкаешь, им не вторя,

Что предвидишь чудеса.

Есть огромные глаза

Цвета моря...

Сергей: Это потрясающе. Может прогуляемся на пляж?

Цветаева: Давайте. Я вас догоню.

Эфрон уходит

Цветаева: Что же мне надеть? Помогите выбрать, пожалуйста, вот у меня тут есть...

Дальше дети с Мариной одевают ее на свидание

Дальше дети закрываются глаза и здесь романтический текст о том, как влюбляются на пляже.

[\(На выходных напишу\)](#)

Вывод: Совсем скоро после этой прогулки по пляжу мы обвенчались с Серёжей. Нам пришлось ждать год, чтобы Сереже исполнилось 18, и мы могли пожениться. Мы очень сильно друг друга полюбили. Первое время мы жили в полной любви и гармонии. Наши отношения были очень нежными и уважительными: «Мы никогда не расстанемся. Наша встреча — чудо... Он — мой самый родной на всю жизнь. Я никогда бы не могла любить кого-нибудь другого, у меня слишком много тоски и протеста. Только при нем я могу жить так, как живу — совершенно свободная»

Да, я, пожалуй, странный человек,

Другим на диво!

Быть, несмотря на наш двадцатый век,

Такой счастливой!

Не слушая о тайном сходстве душ,

Ни всех тому подобных басен,

Всем говорить, что у меня есть муж,

Что он прекрасен!..

Я с вызовом ношу его кольцо!

— Да, в Вечности — жена, не на бумаге. —

*Его чрезмерно узкое лицо
Подобно шпаге.*

*Безмолвен рот его, углами вниз,
Мучительно-великолепны брови.
В его лице трагически слились
Две древних крови.*

*Он тонок первой тонкостью ветвей.
Его глаза — прекрасно-бесполезны! —
Под крыльями распахнутых бровей —
Две бездны.*

*В его лице я рыцарству верна,
— Всем вам, кто жил и умирал без страху! —
Такие — в роковые времена —
Слагают стансы — и идут на плаху.*